

Введение

При изучении истории Русского Средневековья традиционно главное внимание среди исторических личностей уделяется правителям — князьям, а также деятелям церкви. Гораздо менее популярны представители светской знати рангом ниже князей — те, кто именовался «княжими мужами» или «боярами». Это вполне закономерно, поскольку о древнерусских боярах, в отличие от князей, в источниках, как правило, имеются только лаконичные упоминания. Но счастливые исключения все же есть. Для XI в. таковым является Янь Вышатич.

В древнерусском Начальном летописании (к нему исследователи относят так называемый «Начальный свод» конца XI в., дошедший в составе Новгородской первой летописи младшего извода, и «Повесть временных лет» начала XII в.) Янь Вышатич упоминается на протяжении более чем шестидесятилетнего периода — с 1043 по 1106 г. Впервые (в «Начальном своде»), под 1043 г., имя Яня названо в качестве пояснения при упоминании его отца: говорится, что киевский князь Ярослав Владимирович (тот, кого с XIX столетия принято именовать Ярославом Мудрым), отправляя своего старшего сына Владимира походом на столицу византийской империи Царьград (Константинополь), «воеводство поручи Вышатѣ, отцю Яневу»¹. То есть Янь выступает как хорошо известное летописцу и предполагаемым читателям-современникам лицо. Следующая встреча с этим персонажем происходит в статье 1071 г.: здесь помещен подробный рассказ о том, как Янь Вышатич справлялся с вооруженным мятежом на северо-востоке Руси, в районе Белоозера². Далее Янь фигурирует в статьях 1089,

¹ Повесть временных лет. Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 67. Далее — ПВЛ.

² ПВЛ. С. 76–77; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 192–195.

1091 и 1093 гг.; эти упоминания достаточно кратки, но дают немало информации о его биографии. А под 1106 г. летописец, рассказав об отражении Янем набега половцев, пишет о его кончине: «В се же лѣто преставися Янь, старецъ добрый, живъ лѣт 90, в старости маститѣ; живъ по закону Божью, не хужии бѣ первых праведник. От него же и азъ многа словеса слышах, еже и вписав в лѣтописаньи семь, от него же слышахъ. Бѣ бо мужъ благъ, и кротокъ, и смѣренъ, огрѣбаяся всякоя вещи, его же и гробъ есть въ Печерском монастыри, в притворѣ, идеже лежить тѣло его, положено мѣсяца иуны въ 24»³ (В тот же год преставился Янь, старец добрый, прожив девяносто лет, в старости маститой; жил по закону Божию, не хуже был первых праведников. От него же и я много рассказов слышал, которые и записал в летопись эту, от него услышав. Был он муж благ, и кроток, и смирен, избегал всякого греха; гроб его в Печерском монастыре, в притворе, там лежит тело его, положено месяца июня в 24-й день)⁴.

Таким образом, согласно прямому указанию книжника (монаха Киево-Печерского монастыря), многие рассказы, вошедшие в летопись, были им записаны со слов Яня Вышатича. Скорее всего, этим книжником был составитель Начального свода конца XI в. и его погодного продолжения за начало XII столетия, вошедшего в Повесть временных лет⁵. Тождественен ли этот летописец знаменитому агиографу Нестору (автору «Жития Феодосия Печерского» и «Чтения о Борисе и Глебе») — особый и крайне сложный вопрос: несмотря на традицию, согласно которой составителем Повести временных лет считается именно Нестор, в науке на этот счет высказывались и поныне существуют разные мнения⁶.

³ ПВЛ. С. 119.

⁴ Переводы с древнерусского здесь и далее автора.

⁵ См.: *Гиттиус А.А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М., 2012. С. 46–47; *Гимон Т.В.* Янь Вышатич и устные источники древнерусской Начальной летописи // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 68–69.

⁶ См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 276–277, 337–343.

Отцом Яня прямо назван Вышата, воевода Ярослава Владимировича. Поскольку под 1064 г. в летописи упоминается человек с тем же именем, определенный в том случае как сын новгородского посадника Остромира⁷, возможно именно Остромир был дедом Яня. Но уверенности в том, что Вышата Остромирич являлся отцом Яня, а не просто тезкой его отца, нет. Иногда в историографии пытались «продлить» генеалогию Яня: отцом Остромира предполагался новгородский посадник Константин Добрынич, сын дяди крестителя Руси Владимира Святославича — Добрыни Малковича. В этом случае Янь оказывается троюродным внучатым племянником Ярослава и четвероюродным племянником его сыновей (которым он служил). Но родственная связь Остромира с Константином Добрыничем прямых подтверждений в источниках не имеет, поэтому такие генеалогические изыскания остаются на уровне догадок. Вряд ли основательно также отождествление Яня с упоминаемым в Патерике Киево-Печерского монастыря боярином киевского князя Изяслава Ярославича Иоанном, хотя такое мнение в историографии высказывалось⁸.

Что касается даты рождения Яня Вышатича, то летописный некролог под 1106 г. указывает на уход его из жизни в 90-летнем возрасте, что вроде бы дает основание считать годом появления на свет 1016-й, и такую дату можно встретить в исторической литературе. Однако «90 лет» в Древней Руси были условным, эпическим обозначением преклонного возраста. Есть примеры, когда он

⁷ Пвл. С. 71.

⁸ См. о генеалогии Яня Вышатича: *Стефанович П. С.* Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 222–232; *Гимон Т. В.* Янь Вышатич и устные источники древнерусской Начальной летописи. С. 69–85. В отношении имени нашего героя тоже не все ясно; большинство исследователей исходили из того, что Янь — один из вариантов имени *Иоани*, но высказывались и иные предположения: происходит от скандинавского *Hani* (*Поппэ А. В.* А. Шахматов и спорные начала русского летописания // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 81, примеч. 23), является сокращением от *Янислав* (*Стефанович П. С.* Князь и бояре: клятва верности и право отъезда. С. 231–232). Несомненно только, что имя имело мягкое окончание — *Янь*, а не Ян (как иногда оно воспроизводится в литературе).

присваивался людям, которые по другим (и вполне надежным) данным едва миновали 70-летний рубеж⁹. Поэтому, вероятнее всего, Янь родился в конце 1020-х или начале 1030-х гг.

В известиях о Яне Вышатиче встречается немало сюжетных поворотов, древнерусских терминов и реалий, которые выводят на спорные или малоизученные вопросы истории Руси XI–XII вв. Когда-то Б. А. Романов в своей знаменитой книге «Люди и нравы Древней Руси»¹⁰ избрал «гидом» Даниила Заточника — писателя второй половины XII столетия. В данной книге подобным проводником выступит Янь Вышатич — человек, чьи рассказы о событиях второй половины XI столетия вошли в Начальное летописание.

В Приложении к книге летописные статьи, прямо говорящие о Яне, приводятся в полном виде. А сейчас пойдём по конкретным сюжетам в хронологической последовательности.

⁹ См.: *Гимон Т. В.* Янь Вышатич и устные источники древнерусской Начальной летописи. С. 77–79; *Усачев А. С.* «Старость глубокая» в XIV–XVI вв.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // *Древняя Русь: вопросы медиевистики.* 2014. № 1 (55). С. 58–68.

¹⁰ *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. М.; Л., 1966 (первое издание — 1947 г.). 242 с.

Глава 1

«Аще погыну, то с дружиною»: Вышата

Первое упоминание Яня в летописании связано с его отцом, воеводой Вышатой. В 1043 г. состоялся поход Руси на столицу Византийской империи Константинополь.

Въ лѣто 6551. Посла Ярославъ сына своего Володимера на Греки, и вда ему вон многы, а воеводство поручи Вышатѣ, отцю Яневу. И понде Володимеръ в лодьях, и придоша в Дунай, и пондоша к Цесарюградѹ. И высть буря велика, и разви корабли Р҃си, и княжь корабль разви вѣтрѹ, и взя князя в корабль Иван Творимиричъ, воевода Ярославъ. Прочии же вси вон Володимери вывержени быша на брегѣ, числом 6000, и хотящемъ поити в Р҃сь, и не идяше с ними никто же от дружины княже. И рече Вышата: «Азъ поидѹ с ними». И выстѣде ис корабля к нимъ, и рече: «Аще живѣ вѣдѹ, то с ними, аще погыну, то с дружиною». И пондоша, хотяще в Р҃сь. И высть вѣсть грѣкомъ, яко извило море Р҃сь, и посла царь, именовемъ Мономахъ, по Р҃си оляднй 14. Володимеръ же, видѣвъ с дружиною, яко идѹтъ по немъ, вѣспятнѣвъся, изви оляди грѣчска, и вѣзвратися в Р҃сь, всѣдше в корабль своѣ. Вышатѹ же яша съ изверженными на брегѣ, и приведоша и Цесарюградѹ, и слѣпиша Р҃си много. По трехъ же лѣтѣхъ мирѹ вывшю, пѣщенъ высть Вышата в Р҃сь къ Ярославу¹.

В год 6551 (1043). Послал Ярослав сына своего Владимира на греков и дал ему много воинов, а воеводство поручил Вышате, отцу Яня. И пошел Владимир в лодьях, и пришел к устью Дуная, и двинулся к Царьграду. И была сильная буря, и она разбила русские корабли, и княжеский корабль разбил ветер, и взял князя в свой корабль Иван Творимирич, воевода Ярослава. Прочие же все воины Владимировы выброшены были на берег, числом 6000, и хотели пойти в Русь, и не оказалось с ними никого из княжеской дружины. И сказал Вышата: «Я пойду с ними». И высадился из корабля к ним, и сказал: «если жив буду, то с ними, если погибну, так с дружиною». И двинулись они, желая уйти в Русь. И получили известие греки,

¹ ПВЛ. С. 67.

что море разбило русские суда, и послал царь, именем Мономах, в погону за русскими 14 кораблей. Владимир же, увидев вместе с дружиною, что за ним гонятся, развернулся, разбил греческие корабли и возвратился в Русь, сев в свои корабли. Вышату же взяли в плен с воинами, выброшенными на берег, и привели в Царьград, и многих русских² ослепили. Через три года был заключен мир, и тогда отпущен был Вышата в Русь к Ярославу.

Походы на Византийскую империю (империю ромеев) — «на Греки», как это называлось на Руси, — были частым явлением во второй половине IX — X в. Первое нападение на сам Константинополь датируется 860 г. Ходили на Царьград киевские князья Олег (согласно Повести временных лет, в 907 г.) и Игорь (в 941 г.). Результатами этих походов стали договоры о мире и торговле, заключенные князьями с византийскими императорами в 911 и 944 гг., тексты которых сохранились в Повести временных лет. Святослав Игоревич в 970–971 гг. вел войну с Византийской империей на Балканах и Нижнем Дунае. Владимир Святославич в конце 980-х гг. совершил поход на Корсунь (Херсонес Таврический) — центр византийских владений в Крыму; именно после этого события состоялось крещение Руси³. Последующие полвека конфликтов с Византийской империей не было: после принятия Русью христианства с ней установились прочные связи, в первую очередь по церковной линии — из Византии на Русь направлялись представители высшего духовенства. Но в 1043 г. возник конфликт, и Ярослав Владимирович послал военную экспедицию на столицу империи. Ее возглавил старший сын киевского князя Владимир (княживший в Новгороде). В поход с войском отправились два воеводы. Один из них, Иван Творимирич, обозначен как воевода Ярослава. Соответственно Вышата, хотя и был назначен Ярославом, считался воеводой при Владимире. Поход потерпел неудачу. Буря выбросила значительную часть войска на берег Черного моря близ Константинополя,

² В древнерусском языке у слова *Русь* не было множественного числа (встречающиеся часто в литературе формы «руссы», «руссы» на самом деле не существовали). Оно означало и страну, и населяющий ее народ. Если речь шла о некотором количестве людей, относящихся к Руси, все равно употреблялось слово *русь* — «столько-то руси». Отдельный же представитель *руси* именовался не «рус», а *русин*.

³ ПВЛ. С. 13, 16–20, 22–26, 33–35, 49–53.

и Вышата сошел с корабля, чтобы возглавить оказавшихся на берегу воинов. Они попали в плен, и воевода разделил их участь⁴. Через три года был заключен мир, следствием которого стал брак сына Ярослава Всеволода с родственницей тогдашнего императора Константина IX Мономаха⁵. От этого брака в 1053 г. («от цариць гръкынѣ», по словам летописца⁶) родится князь Владимир Всеволодич, известный как Владимир «Мономах» именно благодаря высокому («царскому», по древнерусской терминологии⁷) происхождению его матери⁸. После заключения мира Вышата вернулся в Киев. Очень вероятно, что статья о походе 1043 г., подчеркивающая благородный поступок воеводы, восходит к рассказу Вышаты, переданному летописцем Янем⁹.

⁴ Из указания, что многие пленные были ослеплены, иногда делается вывод, что и отец Яня был тогда лишен греками зрения. Но прямого свидетельства на этот счет нет.

⁵ См. о русско-византийской войне 1043 г.: *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 228–276.

⁶ ПВЛ. С. 70.

⁷ Цесарем/царем в древнерусском и других славянских языках называли византийского императора. Отсюда славянское название Константинополя — Царьград (у части южных славян оно служит официальным наименованием нынешнего Стамбула по сей день), то есть город царя.

⁸ Кстати, именно Владимир Мономах станет последним киевским князем, воевавшим с Византией: в 1116 г. его войска будут ходить на Нижний Дунай в поддержку самозванца, претендовавшего на константинопольский престол и являвшегося зятем Владимира.

⁹ *Гимон Т. В.* Янь Вышатич и устные источники древнерусской Начальной летописи. С. 104–105.

Глава 2

«Бывши бо единою скудости в Ростовьстѣи области»: о территориальной структуре Руси

Впервые как историческое лицо Янь Вышатич появляется в рассказе, помещенном в Начальном летописании под 6579 от Сотворения мира (1071) годом. Завязка сюжета такова.

Бывши бо единою скудости в Ростовьстѣи области, встаста два волхва от Ярославля, глаголюща, яко «Вѣ свѣвѣ, кто обилье держить». И пондоста по Волзѣ, кдѣ приндуча в погостъ, тѹ же нарекаста лучьшигѣ жены, глаголюща, яко «си жито держить, а си медъ, а си рыбы, а си скорѹ». И привожахѹ к нима сестры своя, матере и жены своя. Она же в мечтѣ прорѣзавше за плечемь, вынимаста любо жито, любо рыбѹ, и убивашета многы жены, и имѣнье нѹхъ отънимашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро, и бѣ оу нею людей инѣхъ 300¹.

Был однажды неурожай в Ростовской области, и взбунтовались два волхва из Ярославля, говоря: «Мы знаем, кто запасы укрывает». И пошли по Волге, и как придут в погост, называли тут знатных женщин, говоря, что «эта жито прячет, а эта мед, а эта рыбу, а эта меха». И приводили к ним сестер своих, матерей и жен своих. Они же в наваждении прорезали за плечом и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу, и убивали многих женщин, а имущество их забирали себе. И пришли на Белоозеро, и было с ними 300 человек.

События разворачиваются на территории, которая определена как Ростовская область — то есть на Северо-Востоке тогдашней Руси. Термин «область» звучит вполне по-современному, поскольку это название для территориальных единиц государства было введено в России только в XX в., уже в советскую эпоху, заменив дореволюционный термин «губерния». А в XI столетии составные части Руси вроде бы должны именоваться «княжествами» — ведь именно так их обычно называют в исторической литературе.

¹ Пвл. С. 76.

Действительно, историки очень часто пользуются в отношении средневековой Руси понятием «княжество». Причем так определяют самые разные политические образования. Иногда «княжествами» называют даже догосударственные славянские общности (скажем, пишут о «княжестве полян», «княжестве древлян» или «княжестве полочан»). «Княжествами» нередко именуют составные части Древнерусского государства конца X — XI в. И особенно последовательно применяется этот термин к политическим образованиям XII и последующих столетий, так называемого удельного периода, или эпохи феодальной раздробленности: сплошь и рядом на страницах исторических трудов и (особенно) учебников встречаются Владимиро-Суздальское княжество, Черниговское княжество, Смоленское княжество, Галицко-Волынское княжество и т. п. При этом их составные части, имеющие своих князей, тоже называют княжествами... Короче говоря, княжествами принято именовать любые территориальные образования, возглавляемые князьями.

Термин «княжество» производит на первый взгляд впечатление безусловно старинного: ведь он образован от слова «князь» — древнего общеславянского обозначения правителя. Как же еще называться территории, находящейся под властью князя, если не княжеством?

Но если обратиться к историческим источникам, то оказывается, что слово «княжество» впервые фиксируется... в конце XIV столетия. Причем употребляется оно первоначально на Юго-Западе русских территорий, на землях, вошедших к тому времени в состав Литовского и Польского государств. В частности, в XV в. «великим княжеством» (точнее — «великим князством») именуется Литовское государство, включившее в себя много южных и западных русских территорий. И только с конца XV столетия слово «княжество» появляется в Московской Руси, но встречается очень редко. Причем что любопытно: обозначают им составные части уже единого Московского государства — территориальные единицы, которые в нашей исторической литературе как раз обычно «княжествами» не именуют². То есть, согласно историографии, к концу XV в. княжества исчезают — в связи с формированием единого Русского

² См.: *Горский А. А.* Политическое развитие Средневековой Руси: проблемы терминологии // *Средневековая Русь*. Вып. 11. М., 2011. С. 7–12.

(Российского) государства со столицей в Москве, а согласно источникам — только появляются...

Таким образом, оказывается, в домонгольской Руси никаких «княжеств» не было. Если бы мы могли встретить, скажем, жителя Чернигова XI столетия и сказали бы ему, что тот живет в Черниговском княжестве, он нас не понял бы. В ту эпоху существовало, правда, другое понятие, образованное от слова «князь» — «княжение»; но оно обозначало в домонгольский период не территорию, подвластную тому или иному князю, а саму княжескую власть или княжеский «стол» (престол). Как же реально назывались в древности политические образования?

В XI в. существовало два понятия для их обозначения. Это *земли* и *волости*³.

Очень часто в исторической литературе термины «земля» и «волость» употребляются как синонимичные, обозначающие якобы одно и то же. Например, составные части Руси XI столетия могут именоваться (если не применяется самый популярный и, как сказано выше, анахроничный по отношению к этой эпохе термин «княжество») и «землями», и «волостями». Встречается иногда даже своеобразный гибрид — «земли-волости» (или «волости-земли»), в реальности, разумеется, не существовавший. На самом деле между понятиями «земля» и «волость» в ту эпоху существовало достаточно явное (конечно, по меркам Средневековья, для которого вообще-то не свойственна была терминологическая строгость) соподчинение.

«Землями» на Руси называли независимые государства. В источниках встречаем «Греческую землю» (Византию), «Болгарскую землю» (Дунайскую Болгарию), «Угорскую землю» (Венгрию), «Лядскую землю» (Польшу) и т. д. Соответственно и на Руси в XI — начале XII в. была только одна земля — «Русская земля»; так называлось государство, страна в целом. Термин «Русская земля» применялся для ее обозначения наравне с названием «Русь», обозначающим и народ, и страну⁴.

³ См.: *Горский А. А.* Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. М., 2019. С. 65–78, 157–162.

⁴ Излишне говорить, что применяемые ныне в литературе названия «Древняя Русь» и «Древнерусское государство» являются условными терминами: ясно, что современники не именовали свою страну «древней». Не было в ту

«Волостями» же (неполногласная форма слова — «власть») именовались в источниках XI — начала XII в. составные части государства Русь / Русская земля. Что собой представляли эти волости? Сам по себе термин волость дожил до начала XX в. В дореволюционной России им обозначалась мелкая территориально-административная единица в сельской местности, охватывающая несколько сельских поселений, не имевшая на своей территории города. Иногда историки распространяют такое значение понятия «волость» и на древние времена, на домонгольский период истории Руси, но для этого нет оснований в источниках. Слово «волость» для обозначения сельского округа начинает употребляться только с XIV в. Волость XI столетия — это совсем иное. Она являлась крупной территориальной единицей, с центром в городе — причем городе, где имелся княжеский стол. То есть волостью управлял князь, представитель русской княжеской династии (так называемых Рюриковичей⁵), выполнявший в ней функции наместника верховного правителя — князя киевского⁶. Главной его обязанностью был сбор дани с территории волости; часть ее (обычно две трети) князь должен был отправлять в Киев.

В историографии существует целое направление, представители которого считают, что «волости» являли собой некие «города-государства», «государства-общины», где всеми делами управлял

эпоху и такого широко употребляемого ныне понятия, как «Киевская Русь» (хотя оно и не выдает свою искусственность так, как названия с эпитетом «древний»): этот термин появился под пером историков в XIX столетии.

⁵ Оговорка «так называемые» при употреблении термина «Рюриковичи» связана с тем, что хотя историческая традиция средневековой Руси признавала Рюрика родоначальником династии, русские князья в отношениях между собой Рюриковичами себя не называли; когда необходимо было сослаться на их общего предка, вспоминали Владимира Святого или Ярослава Владимировича.

⁶ В литературе киевский князь обычно именуется «великим князем». Но на самом деле такого официального титула у него не было, определение «великий» применялось лишь изредка для подчеркивания престижа конкретного князя. В особом титуле не было нужды, поскольку власть на Руси являлась монополией рода Рюриковичей: тот, кто считался старейшим в роде и занимал киевский стол, тот и был верховным правителем. Только с конца XI в. иногда встречается (но не становится обязательным) определение киевского князя, отличавшее его от других — «князь всея Руси».

народ, а князья были всего лишь приглашаемыми чиновниками. Сведения источников о «волостях» XI — начала XII в. полностью противоречат такому представлению. «Волость» в них выступает именно и только как княжеское владение. Мы не встретим в этот период определений волостей по городам, не найдем «Новгородской волости», «Переяславской волости», «Смоленской волости» и т. п. Волости определяются исключительно по князьям-владельцам⁷. Название города (причем в форме существительного, а не прилагательного) только может служить уточняющим дополнением к указанию на князя. Например: «Иди в волость отца своего Ростову, а то (Муром. — А. Г.) есть волость отца моего», — обращался черниговский князь Олег Святославич к сыну Владимира Мономаха Изяславу в 1096 г.⁸

В 1070-е гг. XI в. на Руси было всего около десятка волостей (к началу XII столетия это количество вырастет вдвое), и по размеру территории они были сопоставимы, если сравнивать с Новым временем, с губерниями Российской империи или современными областями Российской Федерации. Центрами волостей были крупнейшие города: Чернигов, Переяславль⁹, Новгород, Владимир-Волынский, Полоцк, Смоленск, Ростов, Муром, Туров.

С XII в. крупные волости постепенно обретают фактическую независимость от Киева и начинают именоваться «землями», то есть так, как принято было на Руси называть независимые государства. Причем «земли» стали обозначаться по главным городам — «Черниговская земля», «Суздальская земля»¹⁰, «Волынская

⁷ Само слово «волость» связано с глаголом «володети». И имелась в виду власть князя над городом и прилегающими территориями, а не города над сельской округой.

⁸ ПВЛ. С. 108.

⁹ Имеется в виду так называемый Переяславль-Русский, или Южный, на р. Трубеж, левом притоке Днепра южнее Киева. Два других Переяславля — Переяславль-Залесский и Переяславль-Рязанский — возникнут позже.

¹⁰ «Суздальской землей» в XII в. станет именоваться бывшая северо-восточная волость Руси, центром которой в XI столетии был Ростов. Дело в том, что в начале XII в. сын Владимира Мономаха Юрий «Долгорукий» перенес столицу волости из Ростова в Суздаль. Именно при нем волость стала самостоятельной «землей», и за ней закрепилось название «земля Суздальская» (иногда, впрочем, землю называли и «Ростовской», поскольку Ростов остался

земля», «Галицкая земля»¹¹, «Новгородская земля», «Смоленская земля», «Полоцкая земля» и т. д. В большинстве земель закрепятся определенные ветви разросшегося княжеского рода Рюриковичей. «Волостями» же станут именовать составные части этих «земель», управлявшиеся теми или иными князьями; то есть на региональном уровне будет воспроизведена структура прежнего единого государства: «земля», внутри нее — «волости»¹². Но это все будет позже...

В статье 1071 г. употреблено слово «область» — иногда применяемый в источниках синоним термина «волость» (слова это однокоренные: «область» образовано путем соединения предлога *об-* и слова *власть/волость*¹³). Причем «область» определена не по князю, а по стольному городу — Ростову¹⁴.

Ростов стал центром волости/области в конце X в., когда Владимир Святославич посадил там своего сына Ярослава. Затем Ярослав был переведен в Новгород (на место умершего старшего из Владимировичей — Вышеслава), а в Ростов отправлен Борис Владимирович, впоследствии, во время возникшей после смерти Владимира междоусобицы его сыновей, погибший от рук брата Святополка и позже ставший вместе с другим убиенным братом, Глебом, одним из первых русских святых. По завещанию Ярослава Владимировича (1054 г.) Ростовская волость отошла к его третьему из здравствующих на тот момент сыну Всеволоду, главный стол которого находился в Переяславле, на Юге Руси. На территории волости, кроме Ростова, тогда существовали только три города — Суздаль, Ярославль и Белоозеро¹⁵.

ее церковной столицей — центром епархии). В середине XII в. сын Юрия Андрей «Боголюбский» перенес столицу земли еще раз — во Владимир-на-Клязьме, но название «Владимирская земля» после этого не появилось.

¹¹ Вопреки многим историческим картам, в XII в. не было единой Галицко-Волынской земли; существовали две — Волынская и Галицкая, с разными княжескими ветвями. Их объединение совершится только к середине XIII столетия.

¹² См.: Горский А. А. Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. С. 157–162.

¹³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1971. С. 102.

¹⁴ По какой причине это произошло, см. в главе 4.

¹⁵ См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 57–66.

Северо-Восток Руси — в то время еще малоосвоенная окраина, где наряду со славянским населением (которое постепенно возрастало) обитали финноязычные народы — меря (район Ростова и будущего Переяславля-Залесского) и весь (район Белоозера)¹⁶. Неурожай и начинающийся в связи с этим в регионе голод вызвали восстание. Оно началось в Ярославле, откуда повстанцы числом до 300 человек двинулись вверх по Волге, а затем от устья ее левого притока Шексны на север к Белоозеру (стоявшему у истока Шексны из Белого озера). Во главе восстания встали два волхва. Они обвиняли в укрытии съестных припасов «лучших жен» — то есть женщин из семей местной зажиточной верхушки.

¹⁶ ПВЛ. С. 10.

Глава 3

«Встаета два волхва...» и вопрос о древнерусском язычестве

Согласно устоявшемуся мнению, «волхвами» назывались языческие жрецы восточных славян. Так, в известной книге Б. А. Рыбакова «Язычество Древней Руси» (1987) отдельная глава посвящена «Жреческому сословию Древней Руси», и речь идет главным образом о волхвах¹. В энциклопедии «Древняя Русь в средневековом мире» (2014) волхвы определяются следующим образом: «маги, языческие жрецы, чародеи, звездочеты и предсказатели»². А недавно вышла книга под красноречивым названием «Служители языческого культа в религиозной и политической жизни восточных славян (IX–XI века)»³, и речь там идет в первую очередь, конечно, о волхвах. Сомневаться в том, что волхвы — жрецы языческих богов, в свете столь авторитетной традиции историографии вроде бы не приходится.

Правда, в статье 1071 г. связь волхвов с культом какого-либо языческого бога увидеть, следуя тексту, не удастся. В чем состояли действия волхвов? Они с помощью обмана заставляли людей поверить, что вынимают съестные припасы из тел убиваемых ими женщин. Это можно охарактеризовать как магические ритуалы; глядя с рациональной точки зрения — как фокусы, возможно, с элементом гипнотического воздействия на свидетелей происходящего. То есть волхвы несомненно были носителями некоего нехристианского

¹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. 782 с.

² Петрухин В. Я. Волхвы // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. М., 2014. С. 151; *Он же*. Язычество // Там же. С. 914 («Скудны известия о жрецах (именуемых волхвами)»).

³ Козлов М. Н. Служители языческого культа в религиозной и политической жизни восточных славян (IX–XI века). Севастополь, 2020. 173 с.

знания; но достаточно ли этого, чтобы утверждать, что они являлись служителями языческих богов?

Позднее, когда Янь Вышатич захватит волхвов в плен, он заведет с ними разговор о вере, и первый вопрос будет: «Кому богу вѣруета?» (Какому богу веруете?). Имена языческих богов восточных славян достаточно хорошо известны: они упоминаются и в Начальном летописании при изложении истории Руси до крещения ее Владимиром в 988 г., и в памятниках христианской эпохи, осуждающих пережитки язычества. Это Перун (наиболее почитаемое божество в княжеско-дружинной среде), Волос (Велес), Хорс, Сварог, Дажьбог, Стрибог, Симаргл, Мокошь⁴. Но в ответе волхвов (как он передан летописцем — несомненно со слов Яня) не говорится ни о ком из них: «Она же рекоста: “Антихресту”. Он же рече има: “То кдѣ есть?”. Она же рекоста: “Сѣдить в безднѣ”» (Они же ответили: «Антихресту». Он же сказал им: «Где он находится?» Они же ответили: «Сидит в бездне»). Ранее плененные волхвы изложили Яню свое представление о сотворении человека: «Она же рекоста: “Вѣ вѣвѣ, како есть человекъ створенъ”. Он же рече: “Како?” Она же рекоста: “Богъ мывъся въ мовници, и вспотивъся, отерся вѣхтемъ, и верже с небесе на землю. И распрѣся сотона с Богомъ, кому в немъ створити человека, и створи дьяволъ человека, а Богъ душу во нь вложи. Тѣм же, аще умереть человекъ, в землю идетъ тѣло, а душа к Богу”»⁵ (Они же сказали: «Мы знаем, как человек сотворен». Он же спросил: «Как?» Они же отвечали: «Бог мылся в бане и вспотел, отерся полотенцем и бросил его с небес на землю. И заспорил сатана с Богом, кому из него сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а Бог душу в него вложил. Вот поэтому, если умрет человек, в землю идет тело, а душа к Богу»). Эти религиозные представления ярославских волхвов, вытекающие из статьи 1071 г., исследователи сопоставляли с христианскими ересями богомилов и павликиан, распространенными в то время на Балканах и в Византии, а также с финно-угорскими верованиями⁶. Но черт восточнославянских

⁴ ПВЛ. С. 17, 24, 26, 34, 37, 52.

⁵ ПВЛ. С. 76.

⁶ *Петрухин В.Я.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 315–323; *Бессонов И.А.* Религиозный и культурный контекст «движения волхвов» в 1060–70-е гг. // *Stu*

Оглавление

Введение	5
Глава 1. «Аще погыну, то с дружиною»: Вышата	9
Глава 2. «Бывши бо единою скудости в Ростовьѣи области»: о территориальной структуре Руси	12
Глава 3. «Встаста два волхва...» и вопрос о древнерусском язычестве	19
Глава 4. «Чья еста смерда?»: о самой загадочной категории населения Древней Руси	48
Глава 5. «Яневи же идущю с топорцем»: описание боевой схватки	65
Глава 6. Русская Правда в действии	69
Глава 7. «Оборотя топорь, удари и тыльемь»: об атрибуции произведений древнерусской книжности	94
Глава 8. «Воеводство держащю Киевьскыя тысяща Яневи»: тысяцкие и воеводы	110
Глава 9. «Нача любити смысл уных... негодовати дружины своя первыя»: о структуре древнерусской знати	116
Глава 10. «Не хужии бѣ первых праведник»	141
Глава 11. «Зажегше град свои, ступим въ Гречьску землю...»	143
Заключение	163
Список сокращений	165
Библиография	166
Терминологический словарь	172
Приложение. Летописные известия о Яне Вышатиче	174